

УДК 94(47).084

DOI: 10.37482/2687-1505-V154

УПОРОВ Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации. Автор более 200 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228>

ПЕРЛИК Максим Игоревич, соискатель кафедры теории и истории государства и права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации. Автор 4 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3140-6893>

МАССОВЫЕ НЕПОВИНОЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ ПОСЛЕВОЕННОГО СССР

Рассматривается имеющий противоречивые оценки аспект истории советских исправительно-трудовых лагерей, связанный с массовыми неповиновениями содержащихся в них заключенных в послевоенные годы (1945–1956), в контексте проводимой тогда исправительно-трудовой политики СССР. Исследование основано на принципах историзма, объективности и системности. Выявляются основные тенденции указанной политики после окончания Великой Отечественной войны, отмечается противоречивый характер данной политики. Так, с одной стороны, принимались акты, укрепляющие законность в исправительно-трудовых лагерях, включая обеспечение прав заключенных (например, Инструкция по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях 1947 года), с другой стороны, ужесточались условия содержания в исправительно-трудовых лагерях для определенных категорий заключенных (например, в 1948 году постановлением Совета Министров СССР были созданы особые лагеря). Акцент в работе делается на раскрытии основных причин, по которым в этих условиях в исправительно-трудовых лагерях имели место массовые неповиновения заключенных. В частности, указывается, что в исправительно-трудовые лагеря в послевоенное время стало больше направляться осужденных за пособничество фашистам на временно оккупированных территориях СССР, измену Родине, шпионаж, диверсии, националистический бандитизм и др.; именно эти заключенные, по мнению авторов, в абсолютном большинстве случаев и являлись организаторами наиболее массовых нарушений режима, в т. ч. протестного характера. Проявлениям неповиновений со стороны заключенных в исправительно-трудовых лагерях способствовали также несоответствие фактических условий отбывания наказания установленным требованиям, грубость лагерной администрации, наличие убежденных идейных противников советской власти и др.; определенным катализатором было и неприменение «бериевской» амнистии (март 1953 года) к значительной части заключенных.

*Адрес: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128; e-mail: uporov@list.ru

**Адрес: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128; e-mail: maxkrd207@mail.ru

Для цитирования: Упоров И.В., Перлик М.И. Массовые неповиновения заключенных в исправительно-трудовых лагерях послевоенного СССР // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 1. С. 48–60. DOI: 10.37482/2687-1505-V154

Авторы приходят к выводу, что несмотря на массовость неповиновений заключенных в отдельных исправительно-трудовых лагерях, они в целом не были характерны для исправительно-трудовой системы изучаемого периода.

Ключевые слова: пенитенциарная политика СССР, исправительно-трудовые лагеря, массовые неповиновения заключенных, послевоенное время, амнистия 1953 года, режим содержания заключенных.

Массовые неповиновения заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях СССР, имели место в течение всего времени их функционирования. Однако причины, масштабы и характер этого явления существенно различались в разные периоды советской истории, при этом неповиновения, возникавшие на почве уголовно-политических отношений, когда участниками беспорядков становилось все больше заключенных из числа «классовых врагов», наблюдались в годы сталинского правления, а наибольший размах они получили в 1953–1954 годах, после чего прекратились вместе с ликвидацией печально известного ГУЛАГа (Главного управления лагерей и колоний). Исследование этой проблематики в советском государстве длительное время было под запретом в силу известной монополии на освещение истории в СССР. После провозглашения принципа гласности во время горбачевской «перестройки» ситуация стала меняться, а ранее лишь в годы «оттепели» для советского общества эта завеса была несколько приоткрыта.

Следует заметить, что завеса неизвестности о ГУЛАГе начала спадать не в научных трудах, а в художественной литературе и воспоминаниях («Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, «Мертвая дорога» А.А. Побожия, «Повесть о пережитом» Б. Дьякова и др.; сюда можно добавить менее известные произведения А.И. Алдан-Семенова, А.В. Горбатова и др.). В этих работах не было открытой критики советской пенитенциарной политики, но она логически вытекала из описания отдельных эпизодов; вместе с тем следует иметь в виду, что в данных произведениях сильно проявлялось

субъективное восприятие авторами той лагерной действительности, в которой они оказались.

При этом, однако, освещение массовых беспорядков в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) оставалось запрещенным. С конца 1980-х годов тема ГУЛАГа стала активно развиваться, и теперь уже ученые получили возможность пользоваться многими ранее закрытыми архивами и другими источниками. Основное внимание уделялось проблеме борьбы советского режима с инакомыслием, теме репрессий и роли в этом ГУЛАГа. Появились как обобщающие работы, характеризующие деятельность ГУЛАГа, и прежде всего как репрессивного механизма (авторы А.А. Данилов, А.Н. Дугин, О.С. Кузьмина, Ю.И. Стецовский, Л.П. Рассказов, В.М. Исаков и др.), так и массив литературы по отдельным регионам и ИТЛ (авторы Р.С. Бикметов, А.Г. Козлов, В.М. Кириллов и др.). Заметим, что массовые беспорядки заключенных в исправительно-трудовых учреждениях еще не выделялись как предмет самостоятельного исследования, но фрагментарные комментарии уже появлялись.

В 1990-х годах прошла большая волна публикаций воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа, как в виде отдельных произведений, так и, большей частью, в сборниках, немало было и публицистических произведений (авторы В.Т. Шаламов, А.А. Дятлов, И.М. Фильштинский, Т.И. Филатова, Ю.Л. Фидельгольц, П.Е. Суханов, А.Н. Агапов, В.В. Куземко, А.А. Мить, А.И. Широков и др.). Такого рода источники позволяют полнее представить события лагерной жизни.

И только со второй половины 1990-х годов, т. е. уже в постсоветский период, стали появляться

фундаментальные работы ряда историков ГУЛАГа, раскрывающие, в частности, кадровые проблемы в пенитенциарной системе, статистику по содержащимся в местах лишения свободы, условия содержания заключенных в ИТЛ (авторы В.Н. Земсков, М.Ю. Моруков, Н.В. Петров, Г.М. Иванова, О.В. Хлевнюк, А.С. Смыкалин, М.Г. Детков, С.И. Кузьмин, В.В. Цаплин и др.); изучаемые вопросы, как будет показано, находились в причинной связи с массовыми неповиновениями заключенных. В ряде указанных работ тема массовых неповиновений заключенных в ИТЛ, в т. ч. в послевоенный период, уже была обозначена, но при этом целенаправленное ее освещение прежде всего происходило в публицистических произведениях, начиная с издания романа «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, написанного ранее, а с рубежа 1990 года – и в других работах (авторы А. Арсланов, Р. Климович, А. Дугин, И. Пинчуков, А. Макарова и др.). В этих источниках задавался однозначный жестко отрицательный оценочный вектор деятельности как ГУЛАГа в целом и лагерных администраций отдельных ИТЛ, так и правоохранительных органов по подавлению массовых неповиновений заключенных, и такой настрой, но, разумеется, в смягченной форме, перешел во многие научные труды.

С конца 1990-х годов появляются исследования, где анализируются массовые неповиновения заключенных в ИТЛ, в т. ч. специальные труды, причем в целом их сравнительно немного (авторы Г.М. Иванова, В.А. Козлов, Н.А. Морозов, М.И. Перлик, О.Н. Старикова, А.В. Дашин, Н.В. Упадышев, А.А. Сидоркин, И.В. Удовенко и др.). В данных работах преобладают описания событий, связанных с организацией массовых неповиновений и их подавлением. Что касается оценок действия властей, также доминируют негативно-критические суждения, и, соответственно, поведение «восставших» заключенных преподносится в позитивном ключе, чуть ли не как освободительная борьба с тоталитарным режимом. Такой подход характерен для многих исторических работ

о карательной политике советского государства, опубликованных в период информационно-архивной свободы 1990-х годов, что, в свою очередь, отражает стремление российского общества узнать больше правды о советском прошлом. Но при этом не обходится и без перегибов, в частности, встречаются чересчур эмоциональные оценки. Например, С.С. Босхолов, характеризуя карательную функцию советской власти, указывает, что «в основу уголовно-правовой доктрины была заложена человеконенавистническая, сатанинская идея тотального насилия. ...Геноцид над целыми народами» [1, с. 49]. Г.М. Иванова пишет, что «есть гораздо больше оснований характеризовать ГУЛАГ как репрессивный... институт, нежели как пенитенциарный» [2, с. 9–10], а между тем, как будет показано ниже, пенитенциарный фактор в советской уголовно-исполнительной политике был вполне выражен.

Если затронуть зарубежных авторов, то они также стали активно описывать ГУЛАГ (включая восстания заключенных) с конца 1990-х годов, имеется достаточно подробный и содержательный обзор их работ [3, с. 22]. В дополнение к этому следует упомянуть казахского ученого Т.К. Алланиязова, подробно исследовавшего Кенгирское (Степлаг) восстание заключенных [4]. Этому же восстанию посвятила довольно обширную статью итальянский историк М. Кравери [5]. Указанные авторы в основном описывают происходившие во время восстания заключенных события, опираясь на архивные данные, свидетельства участников и другие материалы. Нельзя не согласиться с М. Кравери в том, что «Кенгирское восстание несомненно являлось одной из кульминационных точек кризиса системы ГУЛАГ в переломный момент между смертью Сталина и XX съездом КПСС» [5, с. 337].

Следует также отметить, что о деятельности ГУЛАГа издан целый ряд сборников документов, в т. ч. касающихся массовых неповиновений заключенных. В числе известных источников – сборник документов под редакцией А.Н. Яковлева (2002) [6], собрания документов из серии «История сталинского ГУЛАГа»,

среди которых в контексте нашего исследования заметное место занимает том 6 «Восстания, бунты и забастовки заключенных» (ответственный редактор В.А. Козлов, составитель О.В. Лавинская [7]). Вместе с тем нужно иметь в виду, что в некоторых сборниках также не обходится без однобокости. Так, в весьма содержательном сборнике документов Национального архива Республики Коми, систематизированных М.Г. Рогачевым, документы об Усть-Усинском массовом побеге заключенных располагаются в рубрике «Несломленные» [8, с. 165–209], при том, что «восставшие» совершали вооруженные нападения на гражданские объекты, а также убийства жителей Усть-Усы, не имевших отношения к ИТЛ; и хотя эти события происходили в 1942 году, их оценка, как и оценки «восстаний» заключенных после войны, показывает сложившийся в научной литературе приоритет критических суждений по отношению к действиям властей по подавлению таких «восстаний» (есть, впрочем, и примеры иного рода – тот же В.А. Козлов приводит факты, когда «восставшие» в другом ИТЛ убивали женщин и грудных детей [9, с. 64]). Поэтому такой подход, представлявший «восставших» заключенных едва ли не как героев, мы считаем в определенной степени однобоким, в частности не учитывающим, как отмечает С.И. Кузьмин, что советская исправительно-трудовая политика «не содержала установок на притеснение и произвол по отношению к заключенным» [10, с. 27].

Указанные обстоятельства, как нам представляется, во многом обуславливают актуальность темы исследования. Мы полагаем, что тема ГУЛАГа – очень сложная и многослойная, и освещать деятельность ГУЛАГа как уголовно-исполнительного механизма государства только с отрицательной стороны – вряд ли правильно, это касается и массовых неповиновений заключенных. На наш взгляд, уже очевидно, что пора отходить от излишней политизации этой темы в научной сфере, в т. ч. и вопроса о причинах массовых неповиновений заключенных в ИТЛ. В данной работе мы хотим представить свою версию причин указанных социально-опасных

явлений в ИТЛ послевоенного времени. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, а также совокупность методов анализа и синтеза, хронологического метода и др. Источниковой базой послужили опубликованные в сборниках документы, материалы, извлеченные нами из Специального архивного фонда Главного управления МВД России по Краснодарскому краю, публицистические произведения, связанные с массовыми неповиновениями заключенных в ИТЛ, мемуарная литература.

Вопрос о восстаниях и бунтах заключенных непосредственно связан с исправительно-трудовой политикой советского государства. И в связи с этим следует отметить, что после окончания Великой Отечественной войны советская власть принимала решения, которые серьезным и противоречивым образом влияли на положение заключенных в ИТЛ. В этом контексте заметным событием стала Инструкция по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях от 27 марта 1947 года (утверждена приказом МВД СССР) [11]. В отличие от предшествовавших ведомственных актов такого рода (Инструкция 1939 года) здесь прямо постулировалась задача «перевоспитания заключенных на основе общественно полезного труда», на что должен быть направлен режим содержания заключенных, и эта мысль повторяется несколько раз: в частности, в блоке норм о культурно-воспитательной работе с заключенными указывалось, что «одной из задач культурно-воспитательной работы с заключенными является перевоспитание заключенных на основе высокопроизводительного коллективного труда» [11]. Инструкция предусматривала внесение серьезных корректив в систему лагерных структурных подразделений, в частности, в ИТЛ создавались отделения общего и усиленного режима (последние предусматривались для осужденных за следующие преступления: измена Родине, шпионаж, террор, диверсия, контрреволюционный саботаж, бандитизм, вооруженный разбой, побег, а также за повторные преступления).

Как видно, допускалось содержание в одном отделении политических и других категорий заключенных. Заслуживает внимания и такая новелла, как обязанность администрации соблюдать права заключенных и не допускать по отношению к ним действий, которые могли бы унижить их человеческое достоинство. В целом общая направленность изменений режима содержания заключенных по Инструкции 1947 года предусматривала смягчение требований к заключенным и в большей мере обеспечивала их права. В этом же ряду можно назвать принятое в 1950 году постановление Совета Министров СССР, согласно которому заключенные получали больше стимулов к высокопроизводительному труду: устанавливались твердые нормы и тарифы, и заключенные стали получать зарплату, за исключением содержащихся в особых лагерях [12]. Подобная политика приводила к определенным позитивным результатам – так, глава МВД СССР С.Н. Круглов на одном из совещаний начальников политотделов в системе ГУЛАГа (4 апреля 1951 года) отмечал: «Вот, например, смертность заключенных в ИТЛ значительно снизилась – в 1950 году составляла 0,07 % в году против 0,10 % в 1949 году, 0,18 % – в 1948 году. Мы такого количества смертности даже до войны не имели» [13, с. 54].

Как видно, с формальной точки зрения после окончания войны советское государство укрепляло законность в исправительно-трудовой системе, в т. ч. в части соответствия ведомственных актов действующим законам. Данная тенденция, на наш взгляд, недооценивается в исторической литературе, причем свое начало она получила еще при Сталине, а после его смерти в 1953 году ей было дано известное ускорение и последовательное развитие. И здесь возникает вопрос, почему же при такого рода решениях в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы возникали массовые неповиновения заключенных, в т. ч. восстание в Горлаге (Норильск) в 1953 году, в котором приняли участие тысячи человек, при том, что подобные события не могли происходить без достаточно серьезных и глубинных

причин? Прежде чем давать их трактовку, уточним, что под массовыми неповиновениями заключенных следует понимать групповой, как правило, открытый и организованный отказ заключенных выполнять действующие нормативные предписания и требования власти. В исторической литературе массовые неповиновения заключенных именуется также как восстания (бунты) и массовые протесты заключенных. Наиболее заметные, получившие оценки в служебных расследованиях массовые неповиновения заключенных в послевоенный период имели место в Краслаге в 1951 году (вооруженный побег), Ухтижемлаге в 1951 году (голодовка), Экибастузлаге в 1951 году (голодовка), Озерлаге в 1952 году (волнения), Горлаге (г. Норильск) с 24 мая по 7 июля 1953 года (восстание), Речлаге (г. Воркута) с 20 июля по 1 августа 1953 года (восстание), Степлаге (г. Кенгир) с 16 мая по 25 июня 1954 года (восстание), Тайшетлаге в 1956 году (восстание) и др. Наиболее масштабные массовые неповиновения происходили в Горлаге, Речлаге и Степлаге (1953–1954 годы).

Причины массовых неповиновений в ИТЛ, как нам представляется, заключаются в следующем. В первую очередь, нужно указать на то, что отмеченный выше процесс определенного укрепления законности в сфере исправительно-трудовых отношений отнюдь не являлся одновекторным, поскольку сопровождался и диаметрально противоположными решениями, которые, напротив, усугубляли положение заключенных. Так, в 1948 году было сочтено целесообразным организовать специальные лагерные подразделения строгого режима. В 1950 году МВД СССР издало приказ «О переводе на тюремный режим заключенных из числа уголовно-бандитствующего элемента», для чего были оборудованы Тобольская тюрьма № 3 УМВД Тюменской области, Златоустовская тюрьма № 2 УМВД Челябинской области, Вологодская тюрьма № 1 УМВД Вологодской области. Например, в начале 1951 года в одном из лаготделений Обского ИТЛ бандитами были спровоцированы массовые беспорядки с участием

почти 400 заключенных, погибли четыре человека, а за первый квартал 1952 года за лагерный бандитизм были осуждены 4300 заключенных [14, с. 91, 108].

В этом же контексте нельзя не назвать принятое в 1948 году решение о создании особых лагерей для содержания осужденных за наиболее тяжкие преступления, связанные прежде всего с прошедшей войной (измену родине, пособничество фашистам, шпионаж, диверсии, националистический бандитизм и др.) [15]. Содержавшиеся там заключенные (каторжане) были поражены в правах в максимальной степени (лишение права переписки и свиданий, идентификация личности по номерам, труд без оплаты, сопровождаемый часто нарушениями техники безопасности, что влекло массовый производственный травматизм [16, с. 19], и др.), что неизбежно ущемляло личное достоинство заключенных и у многих порождало недовольство своим статусом даже с учетом тяжести совершенных преступлений (впоследствии в бумагах члена Политбюро ЦК КПСС М. Суслова были найдены документы, из которых следовало, что при обсуждении фактов массовых неповиновений режим в особых лагерях для заключенных был признан слишком строгим и назван одной из причин неповиновений [17, с. 361]). В особых лагерях отбывали наказание большое количество заключенных: так, на 1 января 1951 года в 9 особых лагерях МВД находился уже 211 261 заключенный [18]. Именно в особых лагерях неповиновения заключенных оказались самыми массовыми. Данные лагеря были упразднены только после смерти Сталина.

Далее, значительная часть заключенных в ИТЛ воевали на фронтах Великой Отечественной войны, были командирами разных уровней, имели боевые награды и, соответственно, считали обвинения в свой адрес и наказания несправедливыми, обращение с ними в лагерях как с обычными уголовниками – оскорбительным, что также порождало у них недовольство своим положением. Так, в мае 1953 года заключенные 9-го лаготделения Красноярсклага объявили голодовку в знак протеста в связи с

действиями оперработника И.А. Ловчева, который, будучи в состоянии опьянения, зашел в столовую, где ужинали заключенные, устроил дебош и надел на голову «классового врага» заключенного Бессмертного миску с остатками пищи, а другим возмущившимся заключенным пригрозил наручниками [19, с. 236].

Следующее обстоятельство заключалось в том, что широкомасштабная «бериевская» амнистия (1953 год) [20] коснулась далеко не всех категорий заключенных, хотя надежды на освобождение или на смягчение своей участи в связи со смертью Сталина питали в той или иной степени все находившиеся в местах лишения свободы. В частности, под амнистию не подходили лица, осужденные на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения соцсобственности, бандитизм и умышленное убийство, при этом амнистии, в т. ч. освобождению, подлежали десятки тысяч «бытовиков», включая осужденных за тяжкие преступления (разбой, изнасилования и др.). Из-за этого амнистия 1953 года подвергается критике, а В.М. Гефтер и вовсе назвал ее «устрашающей» [21, с. 32]. Такой подход, предполагавший смягчение в целом репрессивной политики, контрастировал с отказом амнистировать каким-либо образом указанные выше категории заключенных и являлся одним из прямых мотивов массовых неповиновений заключенных в том же Горлаге (Норильск, 1953 год). Упомянутый выше казахский ученый Т.К. Алланиязов также отмечает, что в 1954 году в Кенгире (Степлаг) заключенные ожидали смягчения режима, но этого не произошло, что стало дополнительным побудительным мотивом к массовым неповиновениям заключенных [4, с. 72].

Как нам представляется, такое решение советского государства по амнистии было ошибочным, и прежде всего с психологической точки зрения, поскольку если преступник не приговаривается к смертной казни, то это означает, что он при определенных условиях заслуживает некоторого смягчения своей участи, т. е. у него должна быть пусть отдаленная, может быть, малореальная и даже мифическая,

но перспектива жизни; отсутствие такой перспективы может толкать человека на необдуманные и неадекватные поступки, в т. ч. и на преступления, каковыми, собственно, и являлись массовые неповиновения заключенных. Однако, очевидно, ввиду тяжести совершенных преступлений (особенно это касалось пособников фашистов) власть не решилась освободить данных заключенных по амнистии, учитывая, что война закончилась недавно и у населения еще были свежи в памяти чудовищные преступления военного характера.

Многие заключенные, осужденные за тяжкие государственные преступления, считали несправедливым отношение к себе в связи с тем, что им продлевали сроки заключения без проведения надлежащей, предусмотренной законодательством судебной процедуры, т. е. решения принимались заочно, без вызова заключенного в какие-либо инстанции, где он мог что-либо сказать в свою защиту, без адвокатов, а осужденному лишь сообщали о решении как состоявшемся факте [8, с. 403]. При этом, как правило, негласной причиной таких решений было не столько содержание преступной деятельности заключенного, т. е. его статус «врага народа», или степень его общественной опасности, а банальное желание руководителей ГУЛАГа оставить заключенного в качестве рабочей силы или в качестве специалиста [22, с. 187] (заметим, что подобная практика имела место и раньше, например в годы войны в Воркутлаге [23, с. 36]). А.Д. Сахаров в своих воспоминаниях пишет о том, что заключенных, привлекаемых к строительству секретных объектов в Арзамасе, после окончания срока наказания ссылали на «вечное» поселение в отдаленные места только затем, чтобы они не могли раскрыть арзамасских секретов, и такой способ был оценен им как «безжалостный, совершенно беззаконный» [24, с. 163–164].

К этому нужно добавить несоответствие реальных условий отбывания наказания в местах лишения свободы предъявляемым требованиям, несмотря на жесткие предписания надзорных органов. Кроме того, действующие тогда

законы предусматривали по ряду позиций довольно жесткие условия отбывания наказания. И такого рода противоречия также являлись катализатором «восстаний» в ИТЛ. Как отмечается в литературе, имели место «вынужденные» массовые неповиновения заключенных. Так, В.М. Исаков отмечает, что в некоторых ИТЛ после упомянутой «бериевской» амнистии настолько обострились отношения между «политическими» заключенными и «бытовиками», что первые, «не надеясь на защиту своих интересов со стороны администрации, выбирали единственно возможную форму пассивного протеста, сопротивления уголовно-бандитствующим осужденным: не выходили на рабочие объекты или, выйдя, к работе не приступали» [25, с. 168].

Также не следует забывать, что в особые лагеря направлялись среди прочих вполне убежденные идейные противники советской власти, прежде всего из числа осужденных за совершение актов националистического бандитизма на бывших в оккупации советских территориях (Прибалтика, Западная Украина и др.). Эти лица ненавидели советскую власть, сознательно убивали ее представителей, членов их семей, являлись пособниками фашистов во время оккупации и т. д. Находясь в ИТЛ, многие из них продолжали свою антисоветскую деятельность, создавая, в частности, повстанческие организации, направленные на подрыв нормальной работы советских учреждений и предприятий, совершение иных государственных преступлений, включая организацию массовых беспорядков.

Следует подчеркнуть в связи с этим, что массовые неповиновения заключенных были следствием не только «страшного ГУЛАГа», но и целенаправленной преступной деятельности содержащихся в них заключенных указанных категорий. Соответственно, мы не можем полностью согласиться с обобщениями некоторых ученых и признанием ряда крупных массовых неповиновений заключенных послевоенного времени некими знаковыми протестными выступлениями против сталинской тирании, а восставших заключенных – некими жертвами,

боровшимися за свободу в советском обществе, во многом благодаря которым и наступила «оттепель» в СССР. Так, А. Макарова пишет о том, что «с Норильского восстания началось раскрепощение страны» [26, с. 86]. Мы полагаем, что в реальности ситуация была намного сложнее, чтобы оценивать события однозначно, – действительно, нарушения прав заключенных имели место, но были и преступления, в т. ч. тяжкие, совершаемые заключенными под флагом «восстания».

Таким образом, какими бы благими намерениями ни руководствовались «восставшие» заключенные, они, нарушая режим, тем более в массовом порядке, давали лагерной администрации законное основание применять соответствующие меры для наведения порядка. Так, например, имеется следующая оценка воркутинского восстания (Речлаг) летом 1953 года: «Это был не бунт и не восстание – это была мирная демонстрация с целью информировать новых хозяев Кремля о том, что происходит в лагерях» [27, с. 131]. Однако фактически заключенные на несколько дней взяли ряд лагпунктов под свой контроль, что по определению не могло происходить «мирным» путем, а «информирование» фактически было требованиями, предъявляемыми к властям, и в совокупности действия заключенных были, конечно, преступными.

Следует указать также на то, что в ИТЛ существовала кадровая проблема, в т. ч. с набором сотрудников охраны, немалая часть которых, не имея надлежащей профессиональной подготовки и не обладая требуемыми моральными качествами, нередко своими действиями провоцировали заключенных на массовые беспорядки [28, с. 100]. Этот аспект довольно подробно освещен в литературе, и мы на нем не останавливаемся. Заметим лишь, что незаконные действия лагерной администрации отмечались во время проверок ИТЛ как со стороны прокуратуры, так и со стороны инспекционных подразделений ГУЛАГа. Показательным является акт инспекторской проверки Печорского ИТЛ комиссией ГУЛАГа от 10 декабря 1953 года, где сообщалось, что

причиной массового невыхода заключенных на работы были неправильные действия лагерной администрации, в т. ч. в части соблюдения законных прав заключенных, и указывалось, что «такое положение противоречит не только требованиям режима содержания заключенных на строгом режиме, но основам исправительно-трудовой политики в целом» [29]. Указанная политика основывалась прежде всего на Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 года, чье действие распространялось на большинство исправительно-трудовых учреждений и который имел существенную гуманитарную составляющую (последняя, однако, нередко искажалась нормативно-правовыми актами и другими решениями НКВД СССР и особенно лагерной администрацией, в т. ч. вопреки Положению об ИТЛ (1930 год), где в первой же статье указывалось, что «исправительно-трудовые лагеря имеют задачей охрану общества от особо социально-опасных правонарушителей путем изоляции их, соединенной с общественно-полезным трудом, и приспособления этих правонарушителей к условиям трудового общежития» [30]).

В архивных материалах Специального архивного фонда Главного управления МВД России по Краснодарскому краю имеется ряд документов, показывающих направления исправительно-трудовой политики советского государства. Так, в соответствии с циркулярами и приказами МВД СССР от 10 июля, 20 августа и 13 сентября 1954 года, которые, как и многие другие документы, направлялись на места и сейчас хранятся в ведомственных архивах (в частности, в Специальном архивном фонде Главного управления МВД России по Краснодарскому краю [31]), предписывалось организовать книжную торговлю, издавать свои периодические издания (уже в 1954 году для заключенных выпускались 57 многотиражных газет общим тиражом 105 тыс. экземпляров), вести работу по созданию самостоятельных организаций заключенных, приобщению их к культурной жизни и др. 10 июля 1954 года приказом по МВД СССР вводилось Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях

МВД СССР, одобренное Советом Министров СССР. Основными задачами исправительно-трудовых учреждений признавались создание условий, исключающих возможность совершения осужденными преступлений, исправление и перевоспитание заключенных на основе приобщения их к общественно полезному труду.

Это целеполагание советской власти, на наш взгляд, далеко не всегда учитывается при историческом анализе деятельности ГУЛАГа. В результате при оценке массовых неповиновений заключенных могут возникнуть предпосылки для другой крайности, когда, напротив, жесткие решения властей по отношению к преступникам, в т. ч. находившимся в местах лишения свободы, оправдываются конкретно-историческими условиями и с опорой на принцип законности – при том, что с позиции сегодняшнего дня ряд законов СССР трудно назвать правовыми (на этот счет имеется, например, работа М.Э. Жаркого [32]). Во всяком случае, судя по комментариям интернет-пользователей к статье И. Полонского о Степлаге при обсуждении вопроса о подавлении восстания заключенных, явное большинство – на стороне советских правоохранителей [33].

Таким образом, в совокупности указанные выше причины и приводили к массовым неповиновениям заключенных в ИТЛ рассматриваемого периода. С учетом изложенного, наш вывод может показаться несколько парадоксальным: несмотря на значительный масштаб массовых неповиновений в отдельных ИТЛ, в целом они не были характерным явлением для ГУЛАГа, поскольку имели место в ограниченном количестве исправительно-трудовых учреждений. Так, при изучении архивных материалов об

исправительно-трудовых учреждениях в Краснодарском крае послевоенного периода нам не удалось встретить документов, свидетельствующих о проблеме массовых беспорядков заключенных в данном регионе. Совершенно очевидно, что это относится и к исправительно-трудовым учреждениям, расположенным во многих других краях и областях, и речь здесь идет прежде всего о европейской части СССР. Иначе говоря, массовые неповиновения заключенных происходили в основном в ИТЛ, находившихся в отдаленных местах, а это был далеко не весь ГУЛАГ – страна очень большая, и ГУЛАГ, можно сказать, имел заметные региональные отличия. А значит, обобщения, связанные с массовыми неповиновениями заключенных по всему ГУЛАГу, не могут в достаточной мере отражать реального положения дел. Вместе с тем многих массовых неповиновений заключенных можно было избежать при соблюдении лагерной администрацией установленных требований и надлежащем контроле за ее деятельностью как в рамках внутриведомственной контрольной деятельности МВД СССР и ГУЛАГа, так и партийного и прокурорского надзора. С наступлением «оттепели» деятельность ГУЛАГа была подвергнута критике, в конце 1950-х годов система ИТЛ была упразднена, и массовые неповиновения заключенных в указанных выше масштабах стали историей.

Заметим, что в данной статье мы лишь обозначили проблематику, связанную с массовыми неповиновениями заключенных в ИТЛ, вместе с тем данная тема нуждается в более глубоком и более объективном осмыслении. При этом настоящая работа может быть основой для дальнейших исследований по данной проблематике, также возможно ее использование в вузовском обучении.

Список литературы

1. *Босхолов С.С.* Конституционно-правовой кризис и уголовная политика // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1993. № 6. С. 49–54.
2. *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
3. *Репинецкий А.И., Инполитов Г.М.* ГУЛАГ как исторический феномен: опыт историографического обзора // Клио. 2011. № 4(55). С. 20–29.

4. Алланиязов Т.К. Карлаг: Кенгирское восстание: К истории восстания заключенных 3-го отделения Степно-го лагеря МВД СССР (16 мая – 26 июня 1954 года) / под общ. ред. Н.О. Дулатбекова. Караганда: Болашак-Баспа, 2010. 305 с.
5. Кравери М. Кризис ГУЛага: Кенгирское восстание 1954 года в документах МВД: пер. с итал. С. Логиша // Cahiers du Monde Russe. 1995. Vol. 36, № 3. P. 319–343.
6. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960: сб. док. / под общ. ред. А.Н. Яковлева, сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. В.Н. Шостаковский. М.: Материк: Междунар. фонд «Демократия», 2002. 888 с.
7. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / отв. ред. и сост. В.А. Козлов, сост. О.В. Лавинская. М.: РОССПЭН, 2004. 736 с.
8. Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий: в 13 т. Т. 7, ч. 1 / сост. и комм.: М.Б. Рогачев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 639 с.
9. Козлов В.А. Неизвестный СССР: противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М.: Олма-пресс, 2006. 448 с.
10. Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений Советского государства, 1917–1985 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 43 с.
11. Инструкция по режиму содержания заключенных в ИТЛ и ИТК (утверждена приказом МВД СССР от 27.03.1947 г.) // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 234. Л. 30–54.
12. Постановление Совета Министров СССР от 13.03.1950 г. № 1065-376сс «О повышении производительности труда и более рациональном использовании труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства внутренних дел СССР» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. С. 304–306.
13. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.): сб. док. Т. 2 / сост. Л.И. Гвоздкова, А.А. Мить. Кемерово: Кузбасвузиздат, 1994. 248 с.
14. Кокурин А.И., Моруков Ю.В. ГУЛАГ: структура и кадры: статья восемнадцатая // Свобод. мысль. 2001. Т. XXI, № 4. С. 82–110.
15. Постановление Совета Министров СССР от 21.02.1948 г. «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н.В. Петров; отв. сост. Н.И. Владимирцев. М.: РОССПЭН, 2004. С. 326–327.
16. Исаков В.М., Мельник Е.В. Труд заключенных в исправительных учреждениях в послевоенные годы и его правовое обоснование // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2017. № 1. С. 16–21.
17. Хеделер В. Соппротивление в ГУЛАГе. Бунт, восстание, побег: пер. с нем. // Вост. Европа. 2007. № 6. С. 353–368.
18. Справка о количестве заключенных, содержащихся в особых лагерях МВД СССР на 1 января 1951 г. // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960: сб. док. / под общ. ред. А.Н. Яковлева, сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. В.Н. Шостаковский. М.: Материк: Междунар. фонд «Демократия», 2002. С. 184.
19. Иванова Г.М. ГУЛАГ в советской государственной системе (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 430 с.
20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1953 «Об амнистии» // Вед. Верхов. Совета СССР. 1953. № 4.
21. Гефтер В.М. Что в итоге «широкой» амнистии: цифры против домыслов // Омбудсмен. 2014. № 1. С. 28–34.
22. Бородин Л.И., Эрты С. Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе: Норильлаг, конец 30-х – начало 50-х гг. // Экон. история. Ежегодник. 2004. № 2003. С. 177–233.
23. Упадышев Н.В. Воркутинский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2012. № 3. С. 35–40.
24. Сахаров А.Д. Воспоминания: в 2 т. М.: Права человека, 1996. Т. 1. 912 с.
25. Исаков В.М. Труд осужденных в исправительных учреждениях Советского государства (1917–1990 гг.). М.: ЮИ МВД РФ, 2000. 217 с.
26. Макарова А. Норильское восстание. Май–август 1953 года // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки / под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Аслан, 1996. С. 84–91.

27. Малухян А. Июль пятьдесят третьего // Воля: журн. узников тоталит. систем. 1997. № 6/7. С. 127–135.
28. Дашин А.В. Уголовно-правовые особенности содержания заключенных и деятельность администрации по предупреждению массовых неповиновений в исправительно-трудовых лагерях СССР // Общество и право. 2012. № 2(39). С. 97–102.
29. Акт о результатах инспекторской проверки Печорского ИТЛ комиссией ГУЛАГа от 10.12.1953 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / отв. ред. и сост. В.А. Козлов, сост. О.В. Лавинская. М.: РОССПЭН, 2004. С. 584.
30. Положение об исправительно-трудовых лагерях (утв. Постановлением СНК СССР от 07.04.1930 г.) // Собр. законов СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
31. Специальный архивный фонд ГУ МВД РФ по Краснодарскому краю. Д. 205. Л. 130–134.
32. Жаркой М.Э. О сущности понятия «кара» и принципах советской карательной политики // Общество и право. 2004. № 2(4). С. 53–59.
33. Полонский И. Кенгирское восстание: бандеровцы и «лесные братья» против ГУЛАГа // Воен. обозрение. 2019. 18 мая. URL: <https://topwar.ru/157976-kengirskoe-voosstanie-banderovtsy-i-lesnye-bratja-protiv-gulaga.html> (дата обращения: 01.12.2021).

References

1. Boskholov S.S. Konstitutsionno-pravovoy krizis i ugovolnaya politika [Constitutional Legal Crisis and Criminal Policy]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, 1993, no. 6, pp. 49–54.
2. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoy aspekty* [The History of the Gulag, 1918–1958: Socio-Economic and Politico-Legal Aspects]. Moscow, 2006. 438 p.
3. Repinetskiy A.I., Ippolitov G.M. GULAG kak istoricheskiy fenomen: opyt istoriograficheskogo obzora [The Gulag as a Historical Phenomenon: The Experiment of the Historiographic Review]. *Klio*, 2011, no. 4, pp. 20–29.
4. Allaniyazov T.K. *Karlag: Kengirskoe vosstanie: K istorii vosstaniya zaklyuchennykh 3-go otdeleniya Stepnogo lagerya MVD SSSR (16 maya – 26 iyunya 1954 goda)* [Karlag: The Kengir Uprising: On the History of the Uprising of Prisoners of the 3rd Department of the Steplag of the Ministry of the Interior of the USSR (May 16 – June 26, 1954)]. Karaganda, 2010. 305 p.
5. Craveri M. Krizis GULaga: Kengirskoe vosstanie 1954 goda v dokumentakh MVD [Crisis of the Gulag: The Kengir Uprising of 1954 in the Documents of the Ministry of the Interior]. *Cah. Monde Russe*, 1995, vol. 36, no. 3, pp. 319–343.
6. Yakovlev A.N. (ed.). *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey). 1918–1960* [The Gulag (Chief Administration of the Camps). 1918–1960]. Moscow, 2002. 888 p.
7. Kozlov V.A. (ed.). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. T. 6. Vosstaniya, bunty i zabastovki zaklyuchennykh* [The History of Stalin's Gulag: Late 1920s – First Half of the 1950s. Vol. 6. Prison Uprisings, Riots and Strikes]. Moscow, 2004. 736 p.
8. Rogachev M.B. (comp.). *Pokayanie: Komi respublikanskiy martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressiy* [Repentance: Komi Republican Martyrology of the Victims of Mass Political Repression]. Vol. 7, pt. 1. Syktyvkar, 2005. 639 p.
9. Kozlov V.A. *Neizvestnyy SSSR: protivostoyanie naroda i vlasti. 1953–1985 gg.* [The Unknown USSR: Confrontation Between People and Authorities. 1953–1985]. Moscow, 2006. 448 p.
10. Kuz'min S.I. *Politiko-pravovye osnovy stanovleniya i razvitiya sistemy ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniy Sovetskogo gosudarstva, 1917–1985 gg.* [Political and Legal Foundations for the Formation and Development of Corrective Labour Institutions in the Soviet Union, 1917–1985: Diss.]. Moscow, 1992. 43 p.
11. Instruction on Regimes in Corrective Labour Camps and Corrective Labour Colonies (Approved by Order of the Ministry of the Interior of the USSR Dated 27 March 1947). *State Archives of the Russian Federation*. Coll. R-9401. Inv. 1a. Fol. 234. Ff. 30–54 (in Russ.).
12. *Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 13.03.1950 g. № 1065-376ss "O povyshenii proizvoditel'nosti truda i bolee ratsional'nom ispol'zovanii truda zaklyuchennykh ispravitel'no-trudovykh lagerey i koloniy Ministerstva vnutrennikh del SSSR"* [Regulation of the Council of Ministers of the USSR No. 1065-376ss Dated 13 March 1950 "On Increasing Workforce Productivity and More Rational Use of Prisoner Labour in Corrective Labour Camps and Colonies of the Ministry of the Interior of the USSR"]. Khlevnyuk O.V. (comp.). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh –*

pervaya polovina 1950-kh godov. T. 3. Ekonomika Gulaga [The History of Stalin's Gulag: Late 1920s – First Half of the 1950s. Vol. 3. Economy of the Gulag]. Moscow, 2004, pp. 304–306.

13. Gvozdkova L.I., Mit' A.A. (comps.). *Prinuditel'nyy trud. Ispravitel'no-trudovye lagerya v Kuzbasse (30–50-e gg.)* [Forced Labour. Corrective Labour Camps in Kuzbass (1930–1950s)]. Vol. 2. Kemerovo, 1994. 248 p.

14. Kokurin A.I., Morukov Yu.V. GULAG: struktura i kadry: stat'ya vosemnadsataya [The GULAG: Structure and Personnel: The Eighteenth Article]. *Svobodnaya mysl'*, 2001, vol. 21, no. 4, pp. 82–110.

15. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 21.02.1948 g. "Ob organizatsii lagerey i tyurem so strogim rezhimom soderzhaniya osobo opasnykh gosudarstvennykh prestupnikov i o napravlenii ikh po otbytii nakazaniya na poselenie v otdalennye mestnosti SSSR" [Resolution of the Council of Ministers of the USSR Dated 21 February 1948 "On the Organization of High Security Camps and Prisons for Dangerous Special State Criminals and on Sending Them, After They Have Served Their Sentence, to Settlements in Remote Areas of the USSR"]. Petrov N.V. (ed.). *Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. T. 2. Karatel'naya sistema: struktura i kadry* [The History of Stalin's Gulag: Late 1920s – First Half of the 1950s. Vol. 2. The Punitive System: Structure and Personnel]. Moscow, 2004, pp. 326–327.

16. Isakov V.M., Mel'nik E.V. Trud zaklyuchennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh v poslevoennye gody i ego pravovoe obosnovanie [The Use of Prison Labor in Correctional Institutions in the Postwar Years, and Its Legal Justification]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 1, pp. 16–21.

17. Hedeler W. Soprotivlenie v GULAGe. Bunt, vosstanie, pobeg [Resistance in the Gulag. Riot, Uprising, Escape]. *Vostochnaya Evropa*, 2007, no. 6, pp. 353–368.

18. Spravka o kolichestve zaklyuchennykh, soderzhavshikhся v osobykh lageryakh MVD SSSR na 1 yanvarya 1951 g. [Information About the Number of Prisoners in Special Camps of the Ministry of the Interior of the USSR as of 1 January 1951]. Yakovlev A.N. (ed.). *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey). 1918–1960* [The Gulag (Chief Administration of the Camps). 1918–1960]. Moscow, 2002, p. 184.

19. Ivanova G.M. *GULAG v sovetskoy gosudarstvennoy sisteme (konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg.)* [The Gulag in the Soviet State System (Late 1920s – Mid-1950s): Diss.]. Moscow, 2002. 430 p.

20. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated 27 March 1953 "On Amnesty". *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, 1953, no. 4 (in Russ.).

21. Gefter V.M. Chto v itoge "shirokoy" amnistii: tsifry protiv domyslov [What Are the Results of the "Broad" Amnesty: Statistics vs Speculation]. *Ombudsmen*, 2014, no. 1, pp. 28–34.

22. Borodkin L.I., Ertz S. Struktura i stimulirovanie prinuditel'nogo truda v GULAGe: Noril'lag, konets 30-kh – nachalo 50-kh gg. [The Structure and Stimulation of Gulag Forced Labour: Norillag, Late 1930s – Early 1950s]. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik*, 2004, no. 2003, pp. 177–233.

23. Upadyshev N.V. Vorkutinskiy ispravitel'no-trudovoy lager' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Vorkuta Correction and Labour Camp in the Years of the Great Patriotic War]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2012, no. 3, pp. 35–40.

24. Sakharov A.D. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, 1996. Vol. 1. 912 p.

25. Isakov V.M. *Trud osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh Sovetskogo gosudarstva (1917–1990 gg.)* [Labour of Convicts in Soviet Correctional Institutions (1917–1990)]. Moscow, 2000. 217 p.

26. Makarova A. Noril'skoe vosstanie. May–avgust 1953 goda [The Norilsk Uprising. May–August 1953]. Apresyan R.G. (ed.). *Opyt nenasiliya v XX stoletii. Sotsial'no-eticheskie ocherki* [The Experience of Non-Violence in the 20th Century. Socio-Ethical Essays]. Moscow, 1996, pp. 84–91.

27. Malumyan A. Iyul' pyat'desyat tret'ego [July of 1953]. *Volya: zhurnal uznikov totalitarnykh sistem*, 1997, no. 6/7, pp. 127–135.

28. Dashin A.V. Ugolovno-pravovye osobennosti soderzhaniya zaklyuchennykh i deyatel'nost' administratsii po preduprezhdeniyu massovykh nepovinoventiy v ispravitel'no-trudovykh lageryakh SSSR [Criminal Legal Aspects of Prison Regimes and Measures Taken by the Administration to Prevent Mass Disobedience in the Corrective Labour Camps of the USSR]. *Obshchestvo i pravo*, 2012, no. 2, pp. 97–102.

29. Akt o rezul'tatakh inspektorskoj proverki Pechorskogo ITL komissiiy GULAGA ot 10.12.1953 g. [Statement on the Results of the Inspection at the Pechora Corrective Labour Camp Conducted by the Gulag Commission Dated 10 December 1953]. Kozlov V.A. (ed.). *Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. T. 6. Vosstaniya, bunt i zabastovki zaklyuchennykh* [The History of Stalin's Gulag: Late 1920s – First Half of the 1950s. Vol. 6. Prison Uprisings, Riots and Strikes]. Moscow, 2004, p. 584.

30. Regulations on Corrective Labour Camps (Approved by the Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR Dated 4 July 1930. *Sobranie zakonov SSSR*, 1930, no. 22. Art. 248 (in Russ.).

31. *Special Archival Collection of the Krasnodar Krai Central Administration of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. Fol. 205. Ff. 130–134 (in Russ.).

32. Zharkoy M.E. O sushchnosti ponyatiya “kara” i printsipakh sovetskoy karatel’noy politiki [On the Essence of the Concept of Punishment and the Principles of Soviet Punitive Policy]. *Obshchestvo i pravo*, 2004, no. 2, pp. 53–59.

33. Polonskiy I. Kengirskoe vosstanie: banderovtsy i “lesnye brat’ya” protiv GULAGa [The Kengir Uprising: The Banderites and the Forest Brothers Against the Gulag]. *Voенное обозрение*, 18 May 2019. Available at: <https://topwar.ru/157976-kengirskoe-vosstanie-banderovtsy-i-lesnye-bratja-protiv-gulaga.html> (accessed: 1 December 2021).

DOI: 10.37482/2687-1505-V154

Ivan V. Uporov

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;
ul. Yaroslavskaya 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228> e-mail: uporov@list.ru

Maksim I. Perlik

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;
ul. Yaroslavskaya 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3140-6893> e-mail: maxkrd207@mail.ru

MASS PRISONER DISOBEDIENCE IN CORRECTIVE LABOUR CAMPS OF POST-WAR USSR

This paper studies mass disobedience among the prisoners of Soviet corrective labour camps (CLCs) during the post-war years (1945–1956) in the context of Soviet corrective labour policy of that time. Noteworthy, there have been conflicting assessments of this aspect of the history of the aforementioned institutions. This research is based on the systematic approach as well as on the principles of historicism and objectivity. The main trends of Soviet corrective labour policy in the wake of the Great Patriotic War are identified; the contradictory nature of this policy is pointed out. On the one hand, documents were adopted to strengthen the rule of law in CLCs, including ensuring the rights of prisoners (e.g., the 1947 Instruction on Regimes in Corrective Labour Camps and Colonies), while on the other hand, the conditions in these camps for certain categories of prisoners were getting more strict (e.g., special camps were established by the Resolution of the Council of Ministers of the USSR in 1948). Further, the authors focus on revealing the main reasons behind mass disobedience of prisoners in the camps. In particular, during the post-war years more people were sent to CLCs convicted of aiding the Nazis in the temporarily occupied territories of the USSR, treason, espionage, sabotage, nationalist banditry, etc. According to the authors, in the overwhelming majority of cases it was these prisoners who organized large-scale mass disturbances, including protests. Disobedience on the part of prisoners was facilitated by the discrepancy between the imposed requirements and the actual conditions in the CLCs, as well as by the rudeness of the camp administration and some prisoners being strong ideological opponents of Soviet rule, etc. The fact that a significant number of prisoners were exempt from Beria’s amnesty (March 1953) acted as yet another catalyst. The authors come to the conclusion that, in spite of the large scale of prisoner disobedience in certain camps, it was generally not characteristic of the corrective labour system of the period under study.

Keywords: *Soviet penal policy, corrective labour camps, mass prisoner disobedience, post-war period, 1953 amnesty, prison regime.*

Поступила 29.09.2021

Принята 19.12.2021

Received 29 September 2021

Accepted 19 December 2021

For citation: Uporov I.V., Perlik M.I. Mass Prisoner Disobedience in Corrective Labour Camps of Post-War USSR. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 48–60. DOI: 10.37482/2687-1505-V154